

Дважды Герой Советского Союза гвардии капитан Е. М. Кунгурцев

В боях за любимую Родину

*
Сегодня мы начинаем печатать серию статей нашего знатного земляка, дважды Героя Советского Союза гвардии капитана Е. М. Кунгурцева. Славный сталинский сокол рассказывает в них о том, как он стал лётчиком, о своём боевом пути. Первый очерк посвящён школьным годам героя.

1. Как сбылась мечта

Я родился и вырос в Ижевске. Где бы мы ни сражались — в ленинградском небе или над вражеской территорией, — всегда с любовью вспоминал я о своём родном городе, его заводы, зелёные сады и деревянные домики на окраинах. В одном из таких домиков на улице Ленина живёт моя старушка мать.

Детские годы... Кажется ещё совсем недавно уезжали мы на Воложку, собирали землянику, удияли рыбу, а зимой — бегали на лыжах, катались на коньках. Это в свободное время, а оно бывало не часто. Отец мой работал на заводе. В 1937 году он трагически погиб, понав под поезд. На руках у матери осталось пятеро детей. Старшие сёстры учились, и поэтому немалая часть забот по хозяйству падала на меня, приходилось присматривать за младшими братьями, помогать матери в работе.

Учился я в школе, что на площади Свободы, а позднее перешёл в школу № 22. Учиться мне довелось в годы, которые запомнились навсегда. Это были годы исторических перелётов советских лётчиков, триумфа нашей отечественной авиации. Все ребята в школе мечтали стать пилотами. Книжки и статьи о Чакалове, Байдукове и Белякове, о Громеке, Коккинаки, Гризодубовой, Осипенко и Расковой прочитывались от строчки до строчки. Отважные лётчики и лётчицы были властителями наших дум.

Многие школьники горячо увлекались авиамоделизмом, видя в нём первый шаг к осуществлению своей мечты. Записался и я с товарищами в авиамодельный кружок детской технической станции. Здесь мы получили первое представление о самолётах и поняли, что авиация — дело не только увлекательное, но и трудное. А сколько было радости, когда мы собственными руками построили первую модель!

Уже после дня Победы, когда я приехал с фронта в Ижевск, мне пришлось быть в парткабинете. Вижу сидит за столом человек и лицо у него страшно знакомое.

— Мишка!

— Женька!

Это был старый мой друг по детской технической станции (сейчас он комсомольский работник). Вечером мы с ним встретились и долго, перебивая друг друга, вспоминали о тех днях, когда целыми часами с увлечением мастерили модели. Недалеко они летали, но зато у нас от радости вырастали крылья.

Может быть именно тогда и определился мой дальнейший жизненный путь. Желание сделаться лётчиком крепло с каждым годом, хотелось, как тогда писали в газетах, летать дальше всех, выше всех, быстрее всех. От миниатюрного самолёта из фанеры и бумаги, с резиной вместо мотора, неудержимо влекло к настоящей боевой машине.

В книгах об авиации писали: хочешь

быть лётчиком — занимайся физкультурой, будь сильным, ловким человеком. Я увлекался легкой атлетикой, футболом. В школе у нас была физкультурная секция, руководил ею бывший цирковой

аэроклуба, в котором группе курсантов за хорошую успеваемость объявлялась благодарность. Среди них был и я. Это обрадовало нас и ещё более окрылило.

В 1939 году вступил в комсомол

Это было большое событие в моей жизни. кипучая комсомольская жизнь давала многое. Она воспитывала уважение к дисциплине, воспитывала навыки коллективизма, чувство дружбы и товарищества, прививала вкус к общественной работе.

Занятия в аэроклубе шли успешно. Начались полёты на учебных самолётах. Мы получили воздушное крещение. Пора было сделать выбор, и я, не колеблясь, ушёл из техникума, чтобы целиком отдаться любимому лётному делу.

После окончания аэроклуба меня командировали в авиашколу. Я неплохо сдал экзамен, уверенно поднял самолёт в воздух и также уверенно совершил посадку. Всё было хорошо. Меня зачислили курсантом авиашколы.

Началась боевая учёба. Мы изучали основы аэродинамики, искусство пилотажа, стрелковое дело, не подозревая,

что скоро все эти знания придётся применить в жизни. Занятия он проводил живо и увлекательно. Ему не составляло труда проделать какой-нибудь трюк на турнике или на брусьях. Мы стремились следовать его примеру, и он умело развивал в нас любовь к физкультуре. Впоследствии, когда я уже летал, это увлечение физкультурой принесло мне огромную пользу.

И вот — школа закончена. Встал вопрос: куда дальше? Страстно хотелось поступить в лётную школу или аэроклуб. Но в аэроклуб принималась молодёжь с образованием 9 классов, а я окончил только семилетку. После долгих размышлений подал заявление в Воткинский машиностроительный техникум. Этот выбор, видимо, подсказало увлечение конструированием, да и аэроклуб, о котором всё время мечталось, был в городе.

Приехал я в Воткинск и вскоре же познакомился с начальником аэроклуба. Однажды обращаюсь к нему:

— Товарищ начальник, как бы к вам поступить? Очень хочется...

Он выслушал меня и, улыбнувшись, сказал:

— Ну, что-ж, начнётся новый набор, приходи, посмотрим.

Одним словом, я стал курсантом аэроклуба. Здоровье у меня было отличное. Но времени едва хватало: уроки в техникуме, занятия в аэроклубе... Лётному делу я учился с большим интересом. До сих пор помню приказ командования

что скоро все эти знания придётся применить в жизни.

В памятный день 22 июня 1941 года в школе прозвучал сигнал тревоги. Мы узнали, что гитлеровская Германия вторглась в пределы нашей великой Родины. Война!

Все курсанты, как один, желали немедленно отправиться на фронт, померяться силами с врагом, отомстить ему за разрушение наших мирных городов и сёл. Мы обращались к командованию, но каждый раз слышали один ответ: придёт время, пойдём, а пока учитесь. Это было, конечно, самое правильное, но тогда нам казалось, что нас умышленно задерживают в тылу. Каждое утро слушали мы оперативные сводки Совинформбюро и хотелось как можно скорее ринуться в бой, громить и уничтожать коварного и подлого врага. Вылетая на выполнение учебной задачи по питурмовке «вражеского объекта», каждый из нас чувствовал себя фронтовым лётчиком и казалось, что бомбим мы не макеты, а проклятых гитлеровцев.

Но шли месяцы напряжённой боевой учёбы, и только в 1942 году сбылись наши желания. Мы окончили школу, нам присвоили звания. Я получил звание сержанта. Теперь ничто не могло помешать нам попасть в Действующую армию. И вот — мы едем на фронт.

(Продолжение следует).

В боях за любимую Родину

2. В небе Ленинграда

Небольшой тыловой город, где находилась наша школа, остался далеко позади. Мы в пути уже вторые сутки.

В вагоне мы узнаём радостную весть: доблестные войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились и прорвали блокаду Ленинграда. Это произошло 18 января 1942 года. Все говорят об этом незабываемом событии, все восхищены мужеством и героизмом советских воинов.

— Скоро и мы станем ленинградцами, — говорят мне друзья, — начало сделано: наш долг — навсегда отогнать немецких оккупантов от стен Ленинграда.

Мы едем на Ленинградский фронт. Трудно передать словами чувство, которое овладело каждым из нас. Сознание того, что мы будем сражаться за великий город Ленина, наполняло нас гордостью.

За время учёбы я ходил в воздух и на бомбардировщиках, и на штурмовиках, и на разведчиках. Помню, когда мы приехали в часть и совершили первые полёты, один из фронтовых лётчиков, посмотрев, как мы летаем, сказал:

— Да они мастера, хоть сейчас в бой.

Это, конечно, была весьма лестная оценка, но до мастеров нам было ещё далеко. Вопреки ожиданиям, командование поручило нам работу, о которой мы не подозревали. Ведь все мы рвались в бой...

Нас вызвал командир части.

— Завтра направитесь на завод, — сказал он, — получите там машины, доставите их сюда.

Вскоре мы входили в цехи завода. Новые машины были великолепны. Мы перегнали их в часть, но о самостоятельных боевых вылетах попрежнему не было ни слова. Теперь это понятно. Командование тщательно изучало каждого молодого лётчика, заботливо воспитывало в нём качества умелого, бесстрашного воина. Но тогда мы это не совсем понимали.

Бывало вернутся лётчики с боевого задания, и мы, как зачарованные, слушали их рассказы. Немцы в то время

почти ежедневно пытались совершать налёты на Ленинград. В небе не несколько раз в день разыгрывались яростные воздушные схватки. И каждый раз победителями из этих схваток выходили советские лётчики. Они наносили фашистским пиратам большой урон. Имена лучших лётчиков — защитников Ленинграда были у всех на устах.

8 марта 1942 года наш полк отмечал годовщину со дня присвоения ему гвардейского звания. В гости к нам приехала делегация трудящихся Ленинграда. Командир полка от имени всего личного состава части заверил их, что лётчики-гвардейцы будут всё усиливать свои удары по врагу.

А на другой день я получил первое боевое задание.

Утром дежурил на аэродроме. Внезапно по телефону сообщили, что в одном из районов появилась новая немецкая батарея. Получен приказ разведать место нахождения этой батареи.

Я обратился к командиру с просьбой отправить в разведку меня. Разрешение было получено.

Первый боевой вылет! Я не верю тем, кто утверждает, что молодой лётчик не испытывает волнения, отправляясь впервые на ответственное задание. Я волновался, но не потому, что был не уверен в своих силах. Нет, я знал, что задание выполню, но ведь это был экзамен, в котором командование проверяло меня как лётчика.

Я шёл на штурмовике в сопровождении опытных лётчиков. Ориентировались мы по Неве, по местности. Внизу была территория, на которой находился враг. Внезапно в воздухе показались разрывы зенитных снарядов. Я присмотрелся и увидел вспышки огня. Под нами были немецкие орудия, которые мы искали. Я отметил на карте их место, снизился и обстрелял, несмотря на сильный огонь зениток.

Так были обнаружены немецкие батареи, обстреливавшие Ленинград. Назавтра наши самолёты бомбили эти батареи и заставили их замолчать.

Боевые вылеты следовали один за другим. Я подружился с лётчиком Фадеевым и часто летал с ним. В воздушном бою немцам удалось подбить машину Фадеева. Самолёт объяло пламя, но мой друг не выбросился на парашюте,

а направил горящую машину в железнодорожный эшелон противника и взорвал его. Так советский лётчик Фадеев повторил легендарный подвиг капитана Гастелло.

В полку состоялся митинг. Я выступил перед своими боевыми товарищами, поклялся беспощадно отомстить немцам за гибель своего друга.

Мы всё чаще летали в глубокие тылы противника. В один из таких вылетов я обнаружил шедший к линии фронта вражеский эшелон. Сделал несколько заходов и на бреющем полёте обстрелял его из пушек. С первых же выстрелов удалось разбить паровоз и эшелон сошёл с рельсов. Я сфотографировал эту картину. Снимок проявили. Он зафиксировал момент катастрофы, которая постигла немецкий эшелон в результате работы моих пушек. За эту операцию я был награждён орденом Красной звезды.

Приходилось бывать в разных передельках. Однажды обнаружил колонну немцев и обстрелял её из пулемётов. Только начал делать второй заход, как стрелок-радист сообщил:

— Зенитки!

И тотчас же машину сильно качнуло, она стала терять управление. Мне с трудом удалось дотянуть её до аэродрома. Она оказалась вся изрешеченной осколками зенитных снарядов.

Особенно полюбил я профессию воздушного разведчика. Это опасная работа, но она приносит большое удовлетворение. От данных разведчика нередко зависит успех больших операций. Однажды мы получили задание сфотографировать важный узел сопротивления немцев. Наши самолёты появились над вражескими позициями так неожиданно, что гитлеровцы не успели даже открыть зенитного огня. Мы не только сфотографировали то, что нам было нужно, но и попутно обстреляли скопления фашистских солдат. Командующий фронтом объявил нам благодарности.

В боях за полное освобождение Ленинграда от блокады советская авиация была верным помощником наземных войск. В этих боях росла слава и нашего полка, росли и мужали его люди.

Дважды Герой Советского Союза гвардии капитан Е. М. Кунгурцев

В боях за любимую Родину

3. В преддверии победы

Весна нынешнего года застала меня в Прибалтике. Наша родная Красная Армия наступала на всех фронтах, уничтожая врага на земле, на море и в воздухе. С волнением слушали мы по радио приказы Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина о всё новых и новых победах.

В первых рядах наступающих войск был и наш авиационный полк. Всю силу штурмовых ударов обрушивали мы на врага, громя его узлы сопротивления, уничтожая технику и живую силу. Немцы отчаянно сопротивлялись, ежедневно происходили яростные воздушные схватки, в которых наши лётчики неизменно оказывались победителями.

Однажды утром меня вызвали на командный пункт. Командир полка вручил мне приказ идти ведущим пилотом пятёрки штурмовиков и разгромить обнаруженный нашей разведкой немецкий склад боеприпасов. Склад этот находился на вражеской территории, в Восточной Пруссии. Немцы замаскировали этот объект так, что с первого захода мы не могли его обнаружить. Тогда я прошёл бреющим полётом и в какую-то долю минуты различил внизу разыскиваемый склад. Но именно в эту же долю минуты шальной снаряд немецкой зенитки подбил мою машину.

Дальнейшее заёмнилось, как дурной сон. Я был ранен, самолёт разбился, но я каким-то чудом остался жив. При падении, повидимому, сильно ударился и сразу потерял сознание.

Очнулся и вижу: вокруг меня немцы. Они отобрали у меня оружие, обыскали и связали руки. Чувствую сильную боль в ногах, всё лицо у меня в крови. Слышу, ко мне обращается переводчик и спрашивает: кто я, откуда, где место расположения нашего аэродрома.

Я молчу, твёрдо решив не отвечать ни на один вопрос врага. А у самого глаза закрываются от сумасшедшей боли. Думаю только об одном: не потерять бы сознания, не проговориться бы в состоянии беспамятства. Сколько не кричали немцы, но я не ответил ни на один их вопрос. Тогда они зверски избили меня и отправили в концентрационный лагерь.

Если бы мне пришлось прожить даже тысячу лет, я, наверное, никогда бы не увидел ничего более ужасного, что мне пришлось увидеть в фашистском лагере. Здесь содержались тысячи советских военнопленных. Все они были измождены, оборваны, многие чуть стояли на ногах от ран и от слабости. Немцы обращались с ними как с собаками: на каждом шагу избивали и расстреливали. На моё счастье среди пленных оказался наш русский врач. Он перевязал мне голову, обмыл раны.

Вечером в лагере появился начальник, а с ним целая свита всяких фашистских чиновников. Вся эта свора остановилась около меня.

— О, обер-лейтенант! Будете вы отвечать на мои вопросы? — проговорил сквозь зубы начальник лагеря.

Я молчу. Не страх, а лютая ненависть овладела мной. Пока жив, ни одного слова от меня не добьётесь, думаю про себя. Жаль, что я с вами раньше не встретился, сволочи!

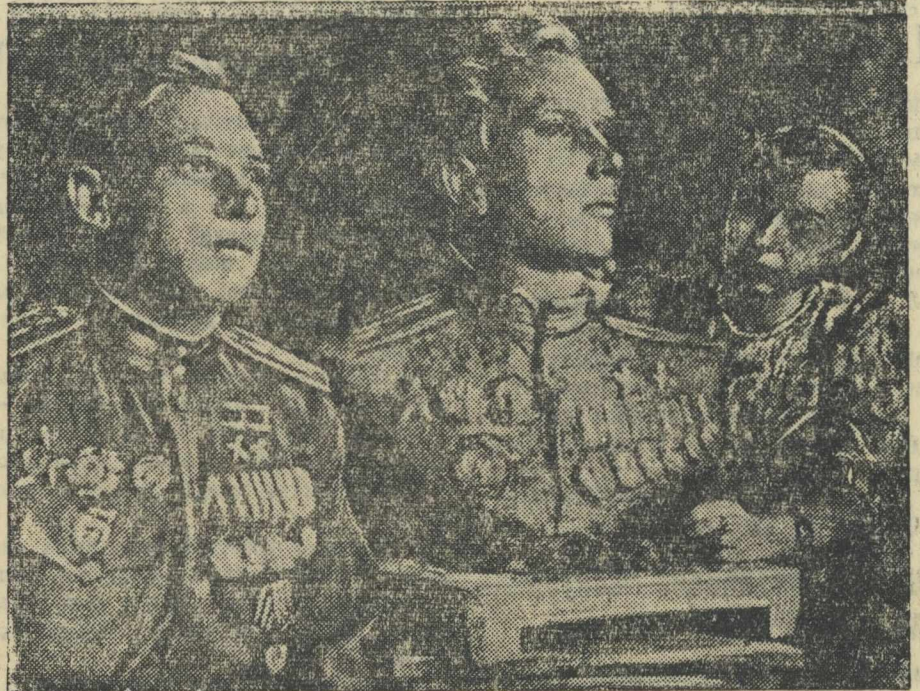
Я продолжал молчать. Немцы потеряли терпение. Один из них сорвал у меня повязку с головы, другой ударил чем-то тяжёлым по голове, и я снова потерял сознание.

Когда очнулся, соседи мои удивились. Они решили, что я погиб. Вид у меня был страшный: всё лицо в ранах, в кровоподтёках.

В ту же ночь наши самолёты бомбили район лагеря. Бомбёжки стали повторяться каждую ночь. Немцы забеспокоились. Рано утром нас выстроили, и начальник лагеря обратился к нам с речью, смысл которой заключался в том, что за малей-

бородой, исхудал, одежда превратилась в лохмотья.

22 суток находился я в плену. В полку все считали меня погибшим. А я оказался жив. По этому случаю в полку был устроен торжественный обед. Боевые друзья поздравляли меня с воскрешением из мёртвых и с правительственной наградой. Я узнал, что в то время, пока отсутствовал, правительство наградило

Скульптор О. П. Таёжная (Москва) лепит бюст дважды Героя Советского Союза гвардии капитана Е. М. Кунгурцева.

На снимке: Е. М. Кунгурцев в мастерской скульптора.

шую попытку к бегству нас расстреляют. И правда, вокруг стояло множество солдат с автоматами.

Между тем мысль о победе не давала мне покоя. Я пробовал спрятаться в барраке и убежать, когда все уйдут из него. Не вышло. Решил спрятаться на чердаке, но меня заметил часовой. Тогда я переговорил с друзьями по лагерю, и мы договорились бежать вместе.

И вот представится удобный случай. Как-то немцы повели нас на каторжную работу. На пути попалась переправа. Когда мы к ней приблизились, советская артиллерия открыла ураганный огонь. Немецкие конвоиры бросились наземь и кричат нам:

— Рус, ложись!

Разрывы снарядов становятся всё ближе и ближе. Конвоиры окончательно перетрусели и разбежались по воронкам.

— Беги, ребята! — крикнул я, и первым бросился бежать. Лучше погибнуть от своих снарядов, чем быть в неволе у врага.

Недалеко от реки был лес и он спрятал беглецов. Немцы открыли стрельбу, но мы уходили всё дальше и дальше. И чем дальше углублялись в лес, тем чаще бросались в глаза следы работы нашей артиллерии. Вкругом валялись трупы немцев, разбитые повозки, орудия, автомашины...

Так мы скитались по лесам несколько дней. Голодали, дрожали от холода, но надежда встретиться со своими обогревала нас. И эта радостная минута наступила! Поздно ночью мы услышали громкое «ура». А спустя минуту нас окружили наши братья — советские воины.

Это была незабываемая минута.

Нас обнимали, жали нам руки и мы плакали от радости, зная, что страшное осталось позади. Нас накормили, перевязали раны и отправили в тыл. А через сутки я уже был в своей части. Друзья еле узнали меня, и немудрено: я оброс

меня орденом Богдана Хмельницкого. Но это было ещё не всё. Во время обеда поднялся командир части и, обращаясь ко всем, сообщил: только что получен Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза.

Я был потрясён. Это было так неожиданно, что я не находил нужных слов, чтобы отблагодарить правительство, партию, товарища Сталина за такую высокую оценку моих боевых заслуг.

Прошло несколько дней и я снова сел за штурвал любимой машины. Ничто теперь не могло остановить меня в стремлении отомстить врагу за все муки и злодеяния, которые причинили нашему народу немецкие захватчики. Раньше я читал об этом в газетах, слышал рассказы тех, кто испытал на себе ужасы немецкого плена. Теперь я испытал всё это сам.

Ярости моей не было предела. Ещё точнее стали мои удары по врагу, ещё чаще стали налёты на логова фашистов. Наша шестёрка штурмовиков неотступно преследовала отступающего врага. Каждый день пылали подожжённые нами немецкие танки, бронетранспортёры, автомашины. Мы не знали ни минуты отдыха. Возвращались из полётов, направляли машины и снова уходили в воздух.

Ожесточённые бои шли на территории Германии. С каждым днём наши войска приближались к Берлину. Уже был форсирован Одер, уже наши части дрались непосредственно на подступах к столице гитлеровской Германии, и с каждым днём наши удары становились всё яростнее, всё сильнее. Было приятно и радостно, придя на аэродром, получить телеграмму и прочесть:

— Кто штурмовал Н-ский район? Отличная работа! Передайте славным сталинским соколам искреннюю признательность советской пехоты...

(Окончание следует).

В боях за любимую Родину

4. Триумф советского оружия

Война близилась к концу. По чем ближе была победа, тем больше требовалось напряжения сил, чтобы быстрее добиться смертельно раненного зверя.

В то время мы, лётчики, пожалуй, больше находились в воздухе, чем на земле. Редко выдавались дни, когда моя мстёрка штурмовиков делала один вылет. А каждый наш вылет обходился врагу дорого. Так, например, в результате одной штурмовки дороги, по которой двигались отступающие войска противника, мы подожгли 5 танков, 4 бронетранспортёра, 10 автомашин с военным имуществом и уничтожили до батальона немецких солдат и офицеров.

Родина высоко оценила нашу работу: все мои боевые друзья награждены орденами, а я — второй медалью «Золотая звезда».

* * *

Война на западе была победоносно завершена, и мысли невольно обращаются к пережитому. Одна картина сменяется другой. Вспоминаются первый учебный полёт и первый боевой вылет. Оживают в памяти боевые эпизоды. Но ярче всех запомнился и никогда не забудется светлый день нашей окончательной победы. Его я встретил далеко от родного Ижевска, в кругу моих фронтовых друзей. Все мы были горды сознанием, что в достижении этой величайшей победы прогрессивного человечества над тёмны-

(Окончание. Начало см. в №№ 163, 164, 165 «Удмуртской правды»).

ми силами фашизма есть и наша доля участия.

В этот день — девятого мая 1945 года командующий фронтом генерал армии Баграмян торжественно вручил мне орден Ленина и две медали «Золотая звезда».

Что мог я сказать в ответ командующему, сердечно поздравившему меня? Мог ли я, бесконечно взволнованный, найти в тот момент такие слова, которые бы достаточно полно и ярко выразили моё чувство благодарности любимой Родине, большевистской партии, великому Сталину, воспитавшим нас!

Впрочем, мои друзья, с которыми я прошёл длинный боевой путь, отлично поняли бы меня и без слов.

И ещё один день навсегда сохранит моя память — это день парада Победы в Москве.

Москва!

Сколько глубокого смысла заключено в этом слове для каждого советского человека!

Мы ехали на праздник в столицу по тем же дорогам, где в своё время беспощадно громили врага. Теперь здесь тихо. На местах отшумевших боёв возрождается новая жизнь. Она расцветёт ещё краше прежнего. Поручкой тому творческие силы советского народа, руководимого партией Ленина—Сталина.

И вот мы в Москве. Совсем осенняя погода, моросит частый мелкий дождь. Но ничто не могло омрачить радость этого дня, охладить встречу воинов

с москвичами! Каждый из нас находился в центре внимания. Незнакомые люди жали нам руки, приветливо улыбаясь, дарили цветы, засыпали вопросами. Какая-то старушка по-матерински обняла меня и крепко поцеловала.

Историческая Красная площадь. Стройными колоннами построены полки различных фронтов. Здесь собрались представители всех родов войск, громивших немцев на земле, в воздухе и на море. Мы их различаем по цвету погонов, окольшей фуражек. На груди блестят боевые ордена и медали — знаки мужества и воинской славы. Над головами — алые знамёна, на многих из них также боевые ордена. Среди выстроившихся колонн и наш сводный батальон лётчиков.

Последние минуты ожидания. Стрелка часов на Спасской башне приближается к 10. На трибунах мавзолея собрались депутаты только что закончившей работу XII сессии Верховного Совета СССР, члены правительства, знатные люди страны, иностранные гости.

Но вот точно электрическая искра пробежала по рядам: на трибуну поднимается Сталин...

Величественная минута встречи народа со своим вождём.

Мы жадно всматриваемся в знакомое и дорогое лицо. Перед нами человек, который вёл нас в бой, вдохновлял на подвиги, привёл к победе. Долго не смолкают на трибуне горячие аплодисменты, гремит на площади могучее «ура».

Принимающий парад маршал Жуков поздравляет войска и советский народ с

победой. В конце своей речи он провозглашает:

— Слава нашему мудрому вождю и полководцу, Маршалу Советского Союза великому Сталину!

Отдаётся команда:

— К церемониальному маршу!

Парад войск Действующей армии открыл сводный полк Карельского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Мерцков. За ними идут воины Ленинградского фронта, впереди полка — Маршал Советского Союза Говоров. Следующим идёт сводный полк 1-го Прибалтийского фронта. Его возглавляет генерал армии Герой Советского Союза Баграмян. С войсками этого фронта наш полк громил врага на Земландском полуострове. Перед мавзолеем и трибунами новые и новые колонны героев, воинов-победителей. С нами боевая техника, проверенная в жестоких сражениях, получившая славу наилучшего оружия в мире.

Восторженными овациями приветствовали москвичи участников парада.

Два часа длился парад Победы, парад армии-победительницы. Славные советские поджили и шли мимо седых стен Кремля, мимо ленинского мавзолея, на трибуне которого, в окружении своих соратников, находился великий Сталин. И каждый участник парада чувствовал на себе проникновенный и ласковый взгляд вождя и полководца, под чьим мудрым руководством доблестная Красная Армия, советский народ сокрушили зазнавшегося врага, заставили его встать на колени.